https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-1-10-19
https://elibrary.ru/VDZLJE

От редактора:

«Преступление и наказание»: современное состояние изучения – завершаем проект

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, мы в этом номере с грустью и благодарностью вспоминаем недавно ушедших наших коллег-достоевистов: Нину Федотовну Буданову, чьи труды по составлению каталога библиотеки Ф.М. Достоевского и летописи его жизни имеют непреходящую ценность (как бы они потом ни корректировались и ни дополнялись) и Валентину Александровну Твардовскую, воспринимавшую и описывавшую жизнь и мысль Достоевского в широком контексте истории русской общественной мысли. Помню, как давно, в самом начале 1990-х, я приехала к Валентине Александровне (по моей просьбе и ее приглашению), чтобы обсудить проект создания исследования, посвященного почвеннической мысли Достоевского. Меня очень смущало тогда, с первого прикосновения к этой теме, что мысль Достоевского нивелируется исследователями, встраивается в ряд, возглавляемый Аполлоном Григорьевым, в то время как не эмоциональное (свойственное Григорьеву), а логически выверенное, ***работающее*** описание того, почему так важно обращаться к «почве», дал именно Достоевский. И его описание как никогда актуально и сейчас. Достоевский утверждает, что настаивающие на механических заимствованиях учреждений Запада страшно и роковым образом заблуждаются по одной простой причине: они стремятся заимствовать не ***идеи***, а сложившиеся в определенных условиях, под давлением определенных обстоятельств и во взаимодействии с определенным типом национальной культуры ***формы***, в которых эти идеи воплотились. Он убедительно показывает, что такие заимствования невозможны и вредны, и если уж заимствовать, то должно заимствовать идею и дать ей свободно развиться в те формы, которые свойственны принявшей ее культуре: так нельзя перенести из одного климата в другой взрослое дерево, но можно посадить семя, и вырастет растение, в чем-то существенно отличное от тех, что развиваются из таких семян в ином климате. Разовьется растение, вполне подходящее

к взрастившей его почве, органичное для нее. В.В. Розанов в своем эссе «О Достоевском», словно дополняя сказанное, глядя под другим углом, так формулирует воззрения Достоевского: «Миросозерцание народное, как общая почва, на которой может единственно правильно возрастать всякое индивидуальное развитие; Россия, исторически возникшая — как фундамент и ряд звеньев, на который налагая дальнейшие звенья мы только и можем правильно трудиться» [Розанов, 1990, с. 69–70]. Мы с Валентиной Александровной тогда часа три проговорили о почвенничестве Достоевского — и сошлись на том, что все описания почвенничества, представляя некоторую конфигурацию «приверженцев направления», нечто внятное и годное для жизни и сейчас говорят только тогда, когда обращаются к мысли Достоевского.

Проект тогда не состоялся по разным причинам — но эти подаренные мне Валентиной Александровной три часа, думаю, отразились во многих моих работах, посвященных жизни и мысли Достоевского.

Мы публикуем два слова об ушедших, дающих прозвучать их голосам ученых и исследователей, формирующих основательное представление об их вкладе в науку, подготовленных Николаем Подосокорским.

Первый номер в большой своей части посвящен теме «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения». Темой этой наш научно-исследовательский центр «Ф.М. Достоевский и мировая культура» активно занимается третий год — и до сих пор исследования только набирают интенсивность — но при этом уже в конце года нам предстоит сформировать четвертую книгу серии «Романы Ф.М. Достоевского: современное состояние изучения» и подвести некоторые итоги изучения как «Преступления и наказания», так и основных принципов его исследования и преподавания. В связи с этим я напоминаю всем заинтересованным в участии коллегам о том, что крайний срок предоставления статей по проекту — 20 июня 2024 года.

28, 29 февраля – 1 марта 2024 года мы провели третью Международную научную онлайн-конференцию «“Преступление и наказание”: современное состояние изучения». В конференции приняли участие 58 исследователей из России, Азербайджана, Италии, Китая, Сербии, США, Турции, Хорватии, Чехии. В последний день конференции прошел хорошо подготовленный всем ходом конференции круглый стол «Преподавание романа “Преступление и наказание” в школе и вузе». Можно сказать, что вся конференция с ее необыкновенно разнообразной тематикой стала путем к круглому столу, посвященному ракурсам восприятия, практикам анализа и подходам к преподаванию романа — и я полагаю,

что такая очень практическая цель и перспектива — лучшее, что может случиться с любой теорией.

Не могу не обратиться здесь к приветственному слову заместителя директора ИМЛИ РАН Юлии Вадимовны Шевчук, ставшему действительным и прекрасным эпиграфом к конференции, пересказав его так, как сама поняла и запомнила. Процитировав слова Анненского о том, что в «Преступлении и наказании», как ни в каком другом романе, более всего захватывают ***сила и свобода светлой мысли***, она сказала: Достоевский — человек светлой мысли, но и светлой совести — и такое состояние не является нашим обычным состоянием, психофизиологически определяемым. Такое состояние нам может быть только даровано. И вот общение с Достоевским — это возможность для нас войти в состояние честной и светлой мысли и совести.

Программу конференции можно посмотреть здесь: https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5828-iii-mezhdunarodnaya-nauchnaya-onlajn-konferentsiya-prestuplenie-i-nakazanie-sovremennoe-sostoyanie-izucheniya

Записи первого дня: https://www.youtube.com/watch?v=0jSkDpKXmEk&t=13s

https://www.youtube.com/watch?v=fyd1Aq46XVA

Записи второго дня: https://www.youtube.com/watch?v=xaiRmjkMEFg

https://www.youtube.com/watch?v=f7wHRUjR1O4&t=1s

https://www.youtube.com/watch?v=EoK5c8nbV2w

Записи третьего дня, включая круглый стол: https://www.youtube.com/watch?v=wDoCHXyja_k

Две статьи этого номера, публикующиеся в разделе «Герменевтика. Медленное чтение», моя и Татьяны Магарил-Ильяевой, подготовлены уже на основе докладов, сделанных на конференции.

Моя статья посвящена алхимическому подтексту у Достоевского, проступающему сквозь обычные и даже намеренно низкие слова, и тому рисунку, образуемому чередованием синонимов (в данном случае: *жирный* и *полный*), который Достоевский использует как один из способов настроить глаз читателя, отформатировать его парадигму восприятия. Из сочетания этих способов построения текста возникает необыкновенно странная в описаниях и характеристиках фигура Порфирия Петровича, само имя которого значит «красный камень» (что есть название последней стадии обретения «философского камня», превращающего металлы в золото, в алхимических трактатах отождествлявшегося с Христом) и который делает все мыслимое и немыслимое, чтобы герой смог «стать

солнцем» (напомню, что для обозначения солнца и золота использовался один и тот же знак ʘ).

Статья Татьяны Магарил-Ильяевой посвящена пути героя к преображению в творчестве Достоевского. Путь этот, который Достоевский многократно ***начинал*** описывать в ранних текстах, в «Преступлении и наказании» впервые доводится до своего завершения — если мы оставляем в стороне истории детей, которым и в раннем творчестве было дано прикоснуться к своей иной природе.

Хочу напомнить, что следующая конференция Центра в этом году — XXVI Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» — пройдет 18–20 апреля 2024 в городе Старая Русса. В этом году в центре конференции — роман «Идиот». Срок подачи заявок — до 25 марта. Подробности — в информационном письме на сайте ИМЛИ РАН: https://imli.ru/139-konferentsii/seminary-i-konferentsii-2024-goda/5882-khkhvi-mezhdunarodnye-chteniya-proizvedeniya-f-m-dostoevskogo-v-vospriyatii-chitatelej-khkhi-veka

Третья конференция этого года, «Книга в книге», впервые прошедшая в 2023 году, запланирована на 1–3 октября 2024 года. Эта конференция посвящена теоретической проблеме присутствия книг ***как прямо упомянутых*** текстов ***и материальных предметов, участвующих в сюжете***, в произведениях мировой литературы и культуры. Мы просим желающих участвовать в конференции обратить внимание на слова, выделенные жирным курсивом.

Я хотела бы подчеркнуть, что на все наши конференции — и особенно на ежегодные Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века», поскольку это ***обучающая конференция*** — можно присылать заявку на участие в качестве слушателя и участника обсуждения (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их участие в общей научной работе на конференции.

2021–2024 годы отмечены выходом большого числа изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству. Мы будем рады предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий на вышедшие в 2021–2024 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

В рубрике «Поэтика. Контекст» публикуется статья Елены Кудрявцевой, посвященная манипулятивным стратегиям подпольного человека, «человека читающего», внимательно читавшего в том числе и Карамзина

и усвоившего идиллический способ высказывания как метод извлечения женщины из построенной ею защитной скорлупы. Проблема здесь в том, что такое извлечение, как внезапно обнаруживает Подпольный, предполагает существенное открытие границ самого извлекающего; что предложение идиллического варианта развития истории вовлекает в эту новую историю не только слушательницу, но и рассказчика — совершенно против его воли и намерений: он вынужденно переходит границу, отделяющую манипуляцию от вовлеченности, поскольку ему приходится усиливать идиллию, преодолевая вызывающее в нем злобу сопротивление героини. Это невольная сдача собственных границ порождает в нем повышенную тревожность и стремление защититься от захватывающей его против его воли идиллической стихии — путем создания теперь антиидиллической оптики[1]. Оказывается, надевание идиллической маски для другого не проходит даром для того, кто ее примерил: маска вовлекает его в продолжающийся, соответствующий себе сюжет, вместо того, чтобы дать возможность (сняв ее) навсегда закрыть дверь в событие, ради которого ее только и надевали. Манипулятивные стратегии героя строятся также на обращении к священным текстам, включении цитат из них в свою речь в качестве несущих конструкций идиллии. Нужно отметить, однако, что включение евангельских цитат в идиллический дискурс уже само по себе означает резкое изменение их смысла, переключение их из регистра самоотверженной любви в гораздо более низкий регистр любви заинтересованной и даже эгоистической: «Тут и работа весела, тут и в хлебе себе иной раз отказываешь для детей, и то весело. Ведь они ж тебя будут за это потом любить; себе же, значит, копишь. Дети растут, — чувствуешь, что ты им пример, что ты им поддержка; что и умрешь ты, они всю жизнь чувства и мысли твои будут носить на себе, так как от тебя получили, **твой образ и подобие** примут» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 158]; «Любовь! — да ведь это всё, да ведь это алмаз, девичье сокровище, любовь-то! Ведь чтоб заслужить эту любовь, иной готов **душу положить**, на смерть пойти. А во что твоя любовь теперь ценится?» [Достоевский, 1972–1990, т. 5, с. 159]. И если для вовлечения Лизы эта лестница смыслов может сработать именно так, как задумал Подпольный, создавая идиллическую иллюзию бесконечной высоты брачной половой любви, то читатель, по идее Достоевского, дол-

[1] Антиидиллическая оптика, по наблюдению исследовательницы, появляется в его речах и в процессе первоначальной манипуляции — с целью наказания героини за то, что она не сразу сдается, продолжает удерживать границы.

жен заметить как раз радикальное снижение самой идеи любви в этих картинках.

Хочу отметить проблематичность повествовательной стратегии самой исследовательницы (хотя такая стратегия настойчиво внедряется в сознание молодых исследователей определенным сегментом научного сообщества): она уделяет внимание и считает своим долгом процитировать статьи, обращающиеся к той же ***теме*** — но весьма далекие от ***идеи*** ее собственной работы. Такая стратегия затрудняет восприятие, уводит читателя от магистральной линии текста, предлагает ему блуждать по ненужным и тупиковым в свете идеи данной работы путям. А в худшем варианте может и совсем затемнить и распылить интересную и продуктивную мысль автора. Я бы посоветовала молодым исследователям (прежде всего — тем, кто намеревается публиковаться у нас) для списков работ коллег, обращавшихся к той же теме пользоваться исключительно подстрочными примечаниями, не ломая идейную линию своего текста, включая в нее только те отсылки, которые прямо работают на мысль автора статьи, в диалоге с которыми эта мысль развивается и усложняется (а не усложняется бессмысленно лишь изложение этой мысли, создавая проблемы для читательского восприятия).

Во второй статье рубрики автор Оксана Воробьева, на мой взгляд, очень обоснованно, выступает против непременного поиска «прототипов» вещей и явлений произведений Достоевского в окружающей действительности. Она указывает на то, что писатель создает вещи и явления в соответствии со своей творческой задачей, а не рабски и натуралистически копирует из окружающей жизни просто потому, что они там есть. По ее мысли, история статьи Раскольникова, отданной, как она показывает, в ***газету***, а попавшей в ***журнал***, влечет за собой ряд существенных последствий для восприятия статьи и психологического состояния героя, которые никак не проясняются существующими «реальными» комментариями.

В первой статье рубрики «Достоевский в XX–XXI веке» Ирина Львова показывает, что книги Достоевского в произведениях американских писателей оказываются важными структурными элементами, которым, добавлю немного от себя, иногда удается одним своим присутствием указать на сокровенный смысл этих произведений. Так, например, герой Натанаэля Уэста («Miss Lonelyhearts») читает слова о любви к человеку и миру из «Братьев Карамазовых» в спальне, где висит Христос из слоновой кости, снятый с креста и шипами прибитый к стене (и это значимая аллюзия на историю, рассказанную Лизой Хохлаковой

о четырехлетнем мальчике, распятом жидом): цель героя была заставить Христа извиваться в агонии — но Он остается украшением, эстетически отстраненным, не могущим взволновать. Мы видим здесь нечто противоположное тому, что постоянно удается Достоевскому — разбить нашу эстетическую отстраненность, не просто показать нам Христа в агонии, а еще и посадить напротив него девочку с ананасным компотом — с тем, чтобы мы осудили и ее, и автора — и только потом (и не все) догадались, что смотрим в зеркало.

Во второй статье рубрики Владимир Двоеглазов прослеживает концепт «правда» в работах Александра Павловича Скафтымова о Достоевском. Согласно исследователю, в конечном итоге «правда» в понимании Скафтымова (как, заметим, и «истина» в христианстве) оказывается скорее личностью, чем идеей: личностью, не искаженной алчностью и страхом за себя, способной к состраданию и самоотдаче (можно сказать иначе: личностью ***в те моменты***, когда она не искажена страхом и алчностью, проникнута состраданием и осуществляет самоотдачу).

Третья статья рубрики, принадлежащая перу Геннадия Карпенко, очевидно выходит за пределы рубрики: хотя речь в диптихе автора будет идти о Достоевском и Бунине, первую статью диптиха можно было бы поместить и в рубрику «Герменевтика. Медленное чтение», и в рубрику «Преподавание Достоевского», поскольку ее предмет — слова Раскольникова о праве на преступление и «темная» природа человека, обретающая свои основания и утверждение в философии после антропологического поворота Канта, получающая оправдание своему взгляду на другого как на объект, усваивая «абстракционизм» Гегеля. Автор пишет: «Достоевский, оставаясь “со Христом” в объяснении человека, не упрощает свое понимание антропологической проблемы». Я бы вспомнила в поддержку слов автора, как удивительно, странно и точно описал это Розанов: «Удивительно: в эпоху совершенно безрелигиозную, в эпоху существенным образом разлагающуюся, хаотически смешивающуюся — создается ряд произведений, образующих в целом что-то напоминающее религиозную эпопею, однако со всеми чертами кощунства и хаоса нашего времени. Все подробности здесь — **наше**; это — **мы**, в своей плоти и крови, бесконечном грехе и искажении говорим в его произведениях; и, однако, во все эти подробности вложен не наш смысл, или по крайней мере смысл, которого мы в себе не знали. Точно кто-то, взяв наши хулящие Бога языки и ничего не изменяя в них, сложил их так, так сочетал тысячи разнородных их звуков, что уже не хулу мы слышим

в окончательном и общем созвучии, но хвалу Богу; и, ей удивляясь, ее дичась — к ней влечемся» [Розанов, 1990, с. 69].

В рубрике «Преподавание Достоевского» мы публикуем первую статью («Преступление») диптиха Ольги Юрьевой, в котором она рассматривает название романа как ключ к его целостному анализу. Автор смещает наш привычный взгляд, показывая и доказывая, что истинным преступлением в романе оказывается само возникновение, допущение Раскольниковым в свое сознание ***идеи***, а не совершение ***действия***, которое есть всего лишь следствие. Я бы добавила, что такой ракурс довольно прямо показывает нам историю психофизических состояний Раскольникова в свете описанных Иоанном Лествичником стадий овладения человеком греха: прилог, сочетание, сосложение, пленение, борьба и страсть, будучи приняты во внимание, становятся отчетливо узнаваемы в романе, изменения душевных движений Раскольникова точно соответствуют описаниям Иоанна Лествичника, и мы можем наблюдать, как эти стадии последовательно проходятся героем. Ольга Юрьевна показывает некую неочевидную до сих пор вещь: оказывается, теория Раскольникова делит людей на том основании, что одни из них («высшие») способны стать прибежищами и орудиями идей — а другие нет. Но Достоевский показывает, что мысль самого ничтожного («второстепенного») на первый взгляд человека оказывается способной менять мир не потому, что им овладела идея — а потому что в сердце его зажглось сострадание, которое не сможет заглушить никакая идея; сострадание, порождающее причастность и ответственность — и эта вольно принятая на себя ответственность становится основанием (может быть, единственным) истинной свободы человека. Я полагаю, что Ольга Юрьевна сделала этой статьей очень важный шаг в приближении школьного преподавания к истинной мысли Достоевского. Ибо идея как преступление — важная, проходящая сквозь все его творчество, являющаяся истинным ядром концепта «двойничества» мысль Достоевского, наиболее прямо выраженная им в «Братьях Карамазовых», где он показал, что даже если человек не выпустит сам свою идею наружу, создав, как ему кажется, надежно защищенное «только свое» пространство мысли, где он волен все себе позволить, — все равно непременно найдется тот, кто окажется менее способен ей противостоять, кто с радостью воспримет ее от «учителя» и станет ее орудием. Орудием, которое идея уничтожит после своего осуществления. Нельзя не отметить связанной со сказанным выше важности пересмотра автором статьи представлений о размере личности Разумихина и роли этого персонажа в романе.

В рубрике «Достоевский: круг чтения» Ольга Седельникова реконструирует историю возникновения и развития идеи незавершенного прозаического цикла Аполлона Николаевича Майкова «Рассказы из русской истории»: в сущности — учебника по русской истории для начальных классов (но и для всех интересующихся), написанного не аналитически, а «живыми картинами», обдумывавшегося автором в диалоге с Достоевским. Важно, что Достоевский еще усиливает идею Майкова: он считает, что историю нужно писать не только как художественный текст, но и как буквально текст поэтический, стихотворный, легко запоминающийся, заучивающийся наизусть; он хочет внедрить русскую историю (в которую включает и падение Константинополя, видя Русь духовной и династической наследницей Византии) и в сердце, и в голову русского человека.

В рубрике «Обзоры, рецензии» публикуются две в высшей степени интересные и содержательные рецензии, написанные Николаем Подосокорским. Они посвящены монографиям о двух главных издателях произведений Достоевского: редакторе журнала «Отечественные записки» Андрее Александровиче Краевском (С.М. Волошина «Власть и журналистика. Николай I, Андрей Краевский и другие») и редакторе журнала «Русский вестник» Михаиле Никифоровиче Каткове (Сюзан Фуссо «Катков. Издатель Тургенева, Достоевского и Толстого»). Замечу, что если в случае русского исследователя рецензент говорит о введении в научный оборот новых документов, о систематизации фактов, о формировании нового образа Краевского, исправляющего приписанные ему авторитетными для определенного времени конкурентами и недоброжелателями искаженные черты (хотя отмечает и неточности), то главное значение монографии иностранного автора и смысл ее перевода на русский, очевидно, состоит в том, чтобы познакомить русского читателя со взглядом на Каткова, сформировавшимся (или формирующимся) у американских славистов. Думаю, здесь речь идет не про сравнительное качество вообще русских и западных монографий — а про политику издательства[2]: все же научное издательство должно было бы представлять разницу в степени осведомленности отечественного и зарубежного читателя в русской литературе и истории и предъявлять более высокий критерий научной новизны к тому, что оно переводит, а не считать книгу безусловно заслуживающей публикации на русском лишь на том основании, что она была опубликована за рубежом — и там это имело смысл.

[2] Рецензент замечает, что «монография профессора Фуссо, несомненно, одна из лучших книг серии “Современная западная русистика”, посвященных Достоевскому и его окружению, которые нам довелось прочесть».

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 9400 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным шрифтом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение месяца.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Розанов, 1990 – *Розанов В.В.* О Достоевском (Отрывок из биографии, приложенной к собранию сочинений Ф.М. Достоевского, изд. «Нивы», 1893 г. Ч. III) // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931. М.: Книга, 1990. С. 64–73.